

Кому покой дан вечный, кому – борьба за жизнь

Нам широковещательно объявили, что контртеррористическая операция в Чечне официально завершилась. Как будто даже успешно. Почти до полного и окончательного уничтожения скверны под названием «террористы», «боевики», «полевые командиры». Сказки для взрослых.

Все, что зарождалось в Чечне и подпитывалось духовными и материальными покровителями, обнажает порой чудовищные корни, переплетенные словно щупальца гигантского спрута. Во веки веков останется святым для русского воинства подвиг десантников 6-й псковской роты. А враг-то, оказывается, был не только лицом к лицу. Сейчас центральные издания утверждают, что в феврале 2000 года боевики выкупили у наших военачальников коридор для отступления из Аргунского ущелья. За полмиллиона долларов.

Под Ханкалой из засады огненным лезвием срезают транспортный вертолет, и 118 жизней наших воинов бросается на алтарь, давно почерневший от запекшейся крови. В Москве таможенники вскрывают цинковый гроб под литерой «Груз-200» и обнаруживают контрабандную икру в банках (ничего себе «камуфляж»!). Учительница одной из школ в России избирает жертвой своих нападков и оскорблений ученика начальных классов, чеченца по крови (как, наверное, трудно кому-то удержаться от соблазна издать клич: «Гей, славяне!»). А вот и зловецкий «Норд-Ост» подул. Это для нас, простых людей – убийственный. Но как же он взбудрил и вдохновил на «мышиную возню» некоторых политиков – из самой Госдумы. Думаю, продолжать не следует...

Для тех, кому я посвящал строки во время второй чеченской войны, та мясорубка уже позади. Судьба каждому отвела свое становление мужчины и ратника, каждого протащила по своим кругам ада. Их, вернувшихся, могло быть сегодня больше. Должно быть. Но общество, изуродованное по указке все еще живого дьявола, немилосердно принимало солдатушек в свое больное лоно.

Одного насмерть сбила машина, и водитель подло, совсем как нападавший со спины горец, скрылся. Другой нелепо попал в ловушку из бензиновых паров в подвале гаража и, при попытке зажечь огонь, сгорел заживо. От пламени Чечни уберегся, а тут... И покинул наш мир накануне свадьбы, оставив под венцом девушку, столь же прекрасную ликом и душой, как он сам. Третий погиб от передозировки, не справившись с наркотической чумой, хотя за него молились и бывшие сокурсники, и боевые друзья.

Тут и там слышишь: стисся, наложил на себя руки, разбился и стал инвалидом, сгинул в лагерях... Сколько их, перемолотых жерновами нового времени, – в городе, на Урале, по всей России? Кто сможет подсчитать?..

СЫН
ВЕРНУЛСЯ!
Юрий Ивачев
с мамой.

Александр
Адлер
с сыном.

Эдуард Франк
с Юлей.

Вечно струящийся свет

Я по-прежнему рядом с ним. Нет, мне не приходилось с Мишей обжигаться дымящимся чаем из одной солдатской кружки, работать в спарринге при сдаче нормативов на краповый берет, двигаться перебежками, прикрывая друг друга... Но без него моя жизнь превратилась бы в примитивное прозябание, в потребление мирских благ, лишённое духовной очищающей силы его личности. Такой неизбывный свет смог пролить на окружающих самый чистый и честный из известных мне современников – наш земляк **Михаил БЕЛЬТЮКОВ**.

...Нижний Тагил. Осенний лес. Последний тренировочный сбор перед отправкой в Чечню. Серьезнейшая проверка боеспособности и живучести. Закончив, стали собираться. И вдруг нервный командирский глас:

– Где сержант Бельтюков? Потеряли, что ли, краповика?

Никто понять не может, куда исчез краса и гордость отряда. А из-за косогора, словно шествуя на Голгофу, поднимается совсем земной Михаил, закрывая лицо букетом. В руках – целая охапка запоздалых цветов, огненно-красных веточек осины и рябины. Взгляд с лукавинкой, слегка вызывающий. Все онемели, да и что тут скажешь?

Слишком уж сентиментальная картина для бойца грозного спецназа, но так характерная и естественная для его природы.

...Казарма. Направо от входа, в ближнем ряду двухъярусных коек, стоит одноярусная, его. Заправлена по-солдатски. И все же она отличается какой-то неуловимой аккуратностью и опрятностью. На спинке табличка: «Сержант Бельтюков, 1979-2000 гг.» На тумбочке возлежит краповый Мишин берет. Его никто не тронет, как и не займет спальное место. Как долго? Об этом не знают ни оставшиеся по контракту краповики, ни командование. Замполит Фомченко так и заявил: «Был такой сержант, но равного ему нет и пока не предвидится».

Я вижу яркий свет, падающий из окна на это ложе. Луч словно задерживается в изголовье, превращаясь в летучий, невесомый нимб. Вот он скользит, рубиновой вспышкой озаряет берет и... исчезает. Но следующее утро и вечное светило повторяют это чудное видение. И будет новый день, за ним другой...

Этот свет не померкнет. (Не суждено лишь отражаться лучу, попавшему в мрак и чернь). Он размыкает взоры живых на памятник бойцам спецназа, открытый 10 октября 2000 года в Мишиной части. Магнетически притягивает взгляд к мемориалу воинам-срочникам в г. Карпинске, где добавилась табличка с Мишиным именем. И только ночью он уступает место лунному сиянию, лучше всего отражающемуся от полированного надгробия Михаила. А рядом стоящие сосны (совсем молодые) почему-то скрипят и стонут даже от легкого дуновения...

Чеченский синдром

Что это такое? Когда из каждых десяти человек, побывавших на пороховом Кавказе, к нормальной жизни возвращаются только двое. Когда матери бывших солдат до сих пор не могут успокоиться, с тревогой смотрят теленовости или «Забывтый полк», не в силах сдержать слез. Им, наверное, уже вечно суждено оплакивать горькие судьбы других сыновей, пришедших на смену собственным.

Когда отдавшего свой долг Родине и вырвавшегося из кровавой бойни дембеля вновь везут, не спрашивая, к месту недавних событий. Пусть во сне. Но мозг, как известно, даже у спящего человека репродуцирует самое яркое и незабываемое...

Юрия ИВАЧЕВА не раз уже везли в Чечню. На той же машине ЗИЛ-131 с радиостанцией, на которой он три года назад колесил передовые фронтовые позиции. Наваждение удавалось стряхивать, только просыпаясь и прогоняя усилием воли ночной ужас возвращающихся видений. Но колея-то, глубокая, ржавая и засасывающая, существует!

Так и фронтовые письма, создававшие зловещий неразрывный круг. Получают дома письмо, в спешке выведенное рукой сына, а его уже нет в живых. Или еще страшней: ни писем, ни извещения от командования и вдруг сообщение о «Грузе-200». У Юры Ивачева было иначе. Он отослал домой 30 писем, дошло только 7, а два последних получил уже сам, дома, в квартире родителей. Как желал он силой разума дотянуться до дома, так и осталась вечной эта связующая нить между двумя точками на земле. В истории, в памяти, в сердце...

Он часто возвращается мыслями туда, где погибали боевые товарищи. Фрагментами всплывают картины той действительности, и помнит он все, как вчера. Но жизнь постепенно брала свое. Психологически было трудновато первые месяцы. Юра не верил, что окончательно находится дома, что уже никому ничем не обязан и просто может пойти с друзьями попить пива.

С устройством на работу получилось до неожиданного легко. В отделе кадров Богословского алюминиевого завода как будто ждали, потому что у Юры имелся диплом об окончании нашего колледжа. А вот с получением жилья – и смех, и слезы. «Если бы вы вернулись оттуда с увечьем (то есть не просто с ранением!), вас включили бы в льготный список», – объяснили ему. И занесли в общий список очередников, в конец второй или третьей тысячи фамилий. Подтвердив, что синдром поражает не только участников военных событий.

Но разве этим воспрепятствуешь течению молодой жизни?! Через полтора года Юра сыграл свадьбу с избранницей своего сердца – Ольгой. А три недели назад у них появилась на свет самая красивая и желанная – Анастасия.

Казалось бы, можно успокоиться матери солдата. Однако Вера Кузьминична недоумевает: почему в нашем городе ничего не делается для облегчения жизни ребятам, пострадавшим за всех нас? Со слов других матерей, во всех городах области вводят то льготную очередь на жилье, то бесплатный проезд в транспорте, то выделяют бесплатные путевки в санаторий. У нас же и администрация города, и военкомат даже поздравить ребят с Днем защитника Отечества считают обременительным.

– Почему сегодняшние юноши не хотят идти в армию? – резонно спрашивает Вера Кузьминична. – Как их матери могут вслух говорить, что не отпустят их? А кто служить будет? У Юры тоже была нехватка веса от 15 до 20 кг, но ни ему, ни родителям и в голову не пришло хватиться за эту соломинку.

Отслужил и убежден до сих пор, что служить надо. «Каждый пацан, мужик (если таковым себя считает) должен пройти эту школу. А то какой из него работяга или помощник людям в жизни получится?» – заключил Юра нашу встречу. И то верно, иначе с синдромом уже чеченской боязни скоротаешь свой век.

Торжествующий жизни цвет

В случае с **Эдуардом ФРАНКОМ** вспоминаешь притчу: человек должен посадить дерево, построить дом и вырастить сына. У него после возвращения из Чечни все действия сообразуются с напутствием мудрецов.

Перед самым уходом в армию они с мамой посадили в саду яблоньку. Тоненькая, беззащитная, чуть выше пояса, она смогла прижиться, поднялась. Через год явила диво – три белоснежных цветка (Эдик просто не имел права не вернуться!). В его отсутствие деревцо нещадно погрызли зайцы, оно подмерзло. Любовь Борисовна, словно веруя в спасительную для сына силу этого ростка, обматывала его тряпицей, следила. Весной только одна боковая веточка сохранила цвет... А нынче завязался и плод жизни – выросло первое, единственное яблоко. Чем не символ новой крепкой поступи по земле человека и его добрых деяний?

Достроить начатый дом Эдуарду уже никто не подсказывал. Знал, что это – его

рук дело, и самостоятельно поднял второй этаж, который задумывался еще до армии. Ну а довершить заветы предков-мудрецов Эдуард, как человек и мужчина, может уже в наступающем году. Он намерен обручиться со своей милой Юлей и создать крепкую семью.

Ждать подачек от жизни – не в его характере. По направлению Богословского алюминиевого завода прошел шестимесячное обучение в профессиональном лицее на электролизника-крановщика. После практики принят на завод в литейное отделение, где и работает в передовой бригаде.

А еще успел со своим армейским другом Сашей Вагизовым из Нижнего Тагила поступить в Московскую экономическую академию. Как были неразлучны на войне разведчик Эдик и связист Саша, так и вошла в них эта крепь навечно. Учатся на заочном отделении Нижнетагильского филиала (к слову, и супруга Саши там учится), вечерами корпят над учебниками. Сейчас как раз Эдуард на сессии, и Любовь Борисовна уже знает, что он успешно сдал экзамен и зачет.

– Надо не терять волю к жизни, – убеждена мать солдата. – Им ли, видавшим, как молодое тело рвет в клочья и небо над головой становится черным от дыма, пасовать перед трудностями? Им ли не знать цену жизни, единственной и неповторимой? Господи, сохрани всех вернувшихся и тех, кто еще в Чечне! И русских, и чеченцев, и евреев, и арабов... Как же жить можно прекрасно – в любви, счастье, молодости и здравии!

Высокая группа риска

Единственное письмо от **Александра АДЛЕРА** пришло родителям 12 января 2000 года. 19 февраля об этом писала «Заря Урала», а ровно через неделю вернулся домой и бывший танкист. Он до сих пор по-философски расценивает лишь одно (из десятков отправленных) сохранившееся письмо: «Война есть война» и спокойно относится к награждению медалью Суворова: «Значит, было за что».

Как обученный и сложившийся воин, он решил применить свое умение в серьезной работе – поступил в ОВО ГОВД. С первой попытки сдал тесты в Екатеринбурге, хотя известно, что 98 процентов «бывших чеченцев» там бракуют. И не мудрено: 300 вопросов (ответ «да» или «нет» не принимается), 50 задач, собеседование с психологом и т. д. Приняли его стажером-водителем в группу задержания, работа была по душе.

Но для прошедших «горячие» точки придуман еще один дополнительный экзамен. Ведь узаконивается право на ношение оружия, мало ли что... Не зря эту категорию военнослужащих относят к высокой группе риска. Да и может ли вернувшийся с порохового Кавказа человек быть образцовым и исполнительным? Вот в чем вопрос. И уж на втором экзамене, как правило, всех заваливают. Так произошло и с Александром.

Пришлось работать в другом месте, затем еще в одном. Не везде атмосфера внутри коллектива была дружной, сплоченной, хоть немного похожей на армейскую.

Не раз заряжающий старенький Т-62 вспоминал надежнейшего водителя-механика Сергея Кучкина, сибиряка. Сколько раз тот спасал экипаж от верной гибели. Где сейчас он? Наверное, мирную землю пашет. Ведь до армии трактористом был...

Устроился и Александр на тяжелую, черную работу – чистильщиком котлов на Богословской ТЭЦ. Не жалеет, что лучшего пока не подвернулось – жить-то надо! Сын Ванюшка у него подрастает, уже самостоятельно по земле топает, о будущем пора думать. А Анна Александровна, мать солдата, признается, что отлегло у нее от сердца за три минувших года. Забываться стала острая нестерпимая боль. А то при сообщениях о Чечне не в силах оторвать взгляда от экрана. Хотя правды там мало, внушали ей очевидцы.

По-разному складывается мирная жизнь у краснотурьинских ребят, хлебнувших чеченского лиха. Живы-здоровы те, о ком писала в годы войны наша газета. И в этом тоже есть великий справедливый смысл. Если их оберегла десница самого Заступника (и наше искреннее сопереживание), значит, Жизнь победила. Пусть будет и дальше складываться она счастливо для них. При неизменной борьбе за это право.

Александр НИКИШОВ.

Никишов, А. Кому покой дан вечный, кому – борьба за жизнь : [участники контртеррористической операции в Чечне Михаил Бельтюков, Юрий Ивачев, Эдуард Франк, Александр Адлер, г. Краснотурьинск] / Александр Никишов // Заря Урала. – 2002. – 28 нояб. (№ 146). – С. 1-2 : фот.